
ВАРИАТИВНОСТЬ ТРАНСЛЯЦИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ РЕАЛИЙ В ЗАПАДНУЮ КУЛЬТУРУ (по материалам англоязычной прессы)

М.А. Курбакова, М.М. Боришанская

ГОУ ВПО «Московский государственный открытый университет»
ул. П. Корчагина, 22, Москва, Россия, 129278

В переводоведении нет четкого определения и классификации понятия «реалия», так как оно включает экстралингвистический компонент. При переводе основные приемы передачи реалий сводятся к транскрипции, трансформации и калькированию, хотя и не исчерпываются ими. Статья снабжена большим количеством примеров.

Ключевые слова: реалия, транскрипция, транслитерация, калькирование, смешанный способ.

В филологии не утихают споры относительно понятия «реалия». Например, Ньюмарк, говоря о реалиях, определяет их как *national institutional terms*, что соответствует «общественно-политическим реалиям», и предлагает термин *cultural terms* для всех остальных реалий [1]. Этот термин используется в работах многих известных отечественных специалистов (Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера и многих других). Некоторые лингвисты, как, например, Г.В. Чернов [2. С. 223—224], вслед за Г.В. Шатковым, Я.И. Рецкером, А.Ф. Федоровым толкуют его как синоним «безэквивалентной лексики». О лексической безэквивалентности пишет и А.Л. Семенов [3. С. 56].

А.Е. Супрун рассматривал реалии как «экзотическую» лексику. А.О. Иванов считает, что «реалия» не является термином собственно переводоведения, а заимствован из лексикографии, страноведения [4. С. 80—81]. Поэтому он склонен использовать этот термин в узком смысле, применительно к явлениям или понятиям, имеющимся в языке или культуре языкового коллектива исходного языка, но отсутствующим в языке или культуре языкового коллектива языка перевода.

Согласно мнению известных переводчиков и теоретиков перевода С.И. Влахова и С.П. Флорина, реалии — это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу „на общем основании“, требуя особого подхода» [5. С. 40—49]. Таким образом, данные авторы толкуют этот термин более широко.

Эти же авторы, проанализировав различные классификации реалий, разработанные А.Е. Супруном [6. С. 52—53], А.А. Реформатским [7. С. 139], В.Д. Уваровым [8. С. 68], предлагают свою, на наш взгляд, оправданную квалификацию. Она базируется на четырех основных делениях — предметном, местном, временном и переводческом [5. С. 51].

Первое включает колоссальный массив географических, этнографических и общественно-политических реалий, которые, в свою очередь, могут быть подвергнуты дальнейшему делению. Например, общественно-политические реалии могут быть разнесены по подпунктам:

1) административно-территориальное устройство:

- а) административно-территориальные единицы (область, департамент...),
- б) населенные пункты,
- в) части населенного пункта;

2) органы и носители власти;

3) общественно-политическая жизнь;

4) военные реалии [5. С. 56].

Местное деление рассматривается авторами в двух плоскостях. В плоскости одного языка *свои-чужие* реалии, в плоскости пары языков — *внутренние и внешние* [5. С. 58].

В рамках временного деления авторы предлагают не ограничиваться разделением на современные и исторические реалии, а исходить из статуса реалий в зависимости от:

- 1) *времени и предмета;*
- 2) *времени и места;*
- 3) *путей проникновения и освоения чужих реалий* [5. С. 64].

Вопрос трансформации реалий в иную культуру еще более сложен, чем даже поиск единой их дефиниции, поскольку, как порой справедливо отмечали на Западе, «...языком можно овладеть. Спотыкаешься о культуру...». Для лингвистической общей теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как *названий реалий* (что означает перевод на уровне морфем, слов и словосочетаний), на что, безусловно, прежде всего обратят внимание и авторы этой статьи. Некоторые специалисты считают, что перевод самих реалий невозможен, поскольку это понятие экстралингвистическое.

Однако, как ясно из сказанного выше, это мнение не является однозначным.

Вопрос о том, какие национальные особенности русских, их образа жизни и менталитета, представляют безусловный интерес.

Основные приемы передачи реалий в переводе сводятся к транскрипции, транслитерации и калькированию.

Примеров транскрипционного способа передачи реалий в современной прессе множество.

A game of “free billiards”, or “amerikanka” плюс описание этой разновидности игры в бильярд в газете The Moscow News [9].

В той же статье находим:

“Modern players shoot the balls so hard that the pockets almost come loose”, he said. We call it “beshenaya kladka” (бешеная кладка). The greats of earlier eras used to play smoother, more gently, the ‘pokatushnik’ (покатушники) style. (Современные игроки забивают шары так мощно, что луза почти провисает. Мы называем это «бешеная кладка». Великие игроки прошедших времен играли мягче, в так называемом стиле «покатушники».)

Если говорить о наиболее известных для прессы примерах транскрипций, то это: *Gasprom, Rosneft, State Duma, AvtoVAZ, Sberbank, CSKA*. Эти названия настолько употребимы (сколь и влиятельны организации, ими названные), что не нуждаются в дополнительном переводческом комментарии, чего не скажешь, например, о транскрипциях *Yezhednevny Zhurnal, Moskomarkhitektura, Fabrika Zvyozd, Rosrybolovstvo, Schyot, please! и Bezlimitniy Tariff*. В отношении последней можно сказать, что для иностранного читателя она обладает некой функциональностью: будучи в России и желая получить этот тариф в салонах связи, он обретет гораздо большее и быстрее понимание, чем если обозначит этот тариф как *Unlimited*. Последнее определение иностранному абоненту более близко и понятно, зато менеджеру салона сотовой связи, возможно, нет.

Более удачным с точки зрения понимания видится способ «транскрипция + английский эквивалент»: читатель видит, как слово или словосочетание произносится по-русски, и при этом осознает его значение. В *The Moscow news N 41 [9]*, статья «*Chippies come to Moscow*», находим *...the Okean store in the Moscow suburb Kolyosakh, or Ocean on Wheels... и далее Ryba zhdyot* («*the fish's waiting*»). С помощью этого приема часто переводятся названия русских мультфильмов: например, «*Yozhik v Tumane*» («*Hedgehog in the Fog*»).

В другой статье «*The Islanders*» [9. С. 207] автор очень обдуманно и в большой степени филологически корректно описывает Валаамский монастырь, его монашество, их быт и имеющие место церковные обряды. Православные реалии передаются транскрипционно, с необходимой конкретизацией — пояснительным комментарием. Примеры:

The Hegumen (The Father-Superior) (Игумен — отец-настоятель монастыря). The Prosfirnya — a bakery, where the ceremony bread 'Prosfiry' is being made. They are small biscuits, with an engraved cross on top, and used as a part of main service — the Divine Liturgy. (Просвирия — пекарня, где готовится церемониальный хлеб — просвира. Это маленькое сухое печенье (что является фактической ошибкой автора, он явно не пробовал просвиру на вкус! Правильнее было бы употребить слово хлеб — bread) с печатью наверху, который используется для главной службы — Божественной Литургии.)

В статье «*Path to the altar*», автор *Joy Neumeier [9]*, встречаем не меньше примеров церковной лексики. Вот один из наиболее показательных отрывков:

A Russian Orthodox church is divided into three parts: the narthex, or entrance; the place of worship (nave), which is open to the public; and the sanctuary.

Далее автор дает подробное описание организации внутреннего пространства церкви.

*Nave — неф; Candle box — свечной ящик, a desk or store located on the church's western side, where candles and other items are offered and commemoration notes are received. Usually serves as a receptionist's place. Soleas — солея. The elevated walkway that runs along the iconostasis. At either end of the soleas is a *kliros*, or section for the choir (место для хора).*

В номере 38 газеты The Moscow Times в статье «Capital immune to election fever» встречаем описание названий российских политических партий, учреждений и районов Москвы. «The Moscow City Duma elections, Six parties: the pro-Kremlin United Russia, the Communists, the nationalist LDPR, the left-of-centre Just Russia, the liberal opposition Yabloko, the Patriots of Russia; the new pro-Kremlin liberals, Pravoye Delo; the Kuzminki area, Moscow's VDNKh area; Levada poll, Luzhkov-backed United Russia (прием — калькирование). К этому же приему можно отнести и такие словосочетания, как *a local veteran's union* (районный Совет ветеранов), *a Soviet dissident* (советский диссидент).

Примером калькирования неологизма может быть и недавно появившееся в русском языке выражение *материнский капитал* — Maternity capital.

Примером смешанного способа, когда одна морфема транскрибируется, а остальные переводятся соответствующими элементами переводящего языка, является словосочетание «Баренцево море» — The Barents Sea, Russkies, the «Stalinist-era» veteran. К смешанному способу относится и применение транскрипции лишь для части названия, когда при этом в целом сохраняется принцип калькирования: Murmansk Region, a pro-Kremlin youth group, the Moscow City Duma, the Nashi Youth group.

В статье о Новодевичьем кладбище «Dead poets and royal nuns» автор Phoebe Taplin удачно сочетает два приема — транскрипцию и калькирование — для передачи названий русских реалий. Вот примеры: the Museum of the Moscow Metro, the Novodevichy Cemetery, the ballerina Galina Ulanova, the Arts' Theatre's seagull logo, the Kremlin Wall, the Moscow baroque style Transfiguration Gate-Church, the central Smolensky Cathedral, the Kremlin's Assumption Cathedral. Наиболее показательные в этом отношении фразы из статьи:

At No. 4 Novodevichy Proyezd, above the pond, with great views over the convent, the “U Pirosmani” Georgian restaurant was one of the first restaurants to open after **pe-restroika**... The funky, tent-like **Myata café** has disco décor and a constantly changing menu... Go straight along **Ulitsa Desyatiletiya Oktyabrya** to reach the metro. (По Новодевичьему проезду 4, над прудом, где открывается прекрасный вид на монастырь, один из первых после перестройки открылся грузинский ресторан «У Пиросмани»... Необычное, похожее на палатку кафе «Мята» с диско-декором и постоянно обновляющимся меню... Чтобы попасть в метро, идите прямо по улице Десятилетия Октября.)

В другой статье уже упомянутого нами Andy Potts «Moscow Claims vindication over war» находим:

The scandal over one of Moscow's most politically incorrect «shashlychnaya» — the Anti-Sovietskaya on Leningradsky Prospect — took a turn for the worse last week.

В приведенном примере перевода для западного читателя не разъясняется, что же такое «шашлычная», что почти всегда является недостатком подобного «незавершенного» (прием — транскрипция/транслитерация) перевода.

Всегда следует помнить, что данные способы перевода носят ограниченный характер и применимы к тем языковым единицам, которые прочно обоснованы

вались в системе номинаций переводящего языка. Незнакомые реалии требуют включения в текст дополнительных поясняющих элементов.

Одна из наиболее распространенных тематик для подобного комплексного перевода — кулинария, ресторанный бизнес. Название блюда, а это безэквивалентная лексика, передается способом транскрипции-транслитерации, а далее следует описательный перевод, выстроенный на основе сравнения с известными на Западе аналогами или близкими им альтернативами. Например, рекламируя украинский ресторан Шинок (Shinok), автор пишет:

...salo — bacon strips with the meat-to-fat ratio reserved and Breads around (сало — тонко нарезанный бекон с небольшим количеством мясной прослойки, сервированный хлебом разных сортов) [9. С. 8].

Подобным образом принято описывать все, начиная с Russian cafeteria до изысков а la haute couture, своего рода кухни prêt-à-porte или «молекулярной гастрономии» («molecular gastronomy» — калькирование) — термина, созданного шеф-поваром русского ресторана «Varvary» (транскрипция), который в процессе работы над traditional Russian dish «Seljodka pod shuboj» (транслитерация) избрал vegetable paper (овощную бумагу), широко рекламируемую теперь западному клиенту.

С другой стороны, вполне понятно, почему именно в газетно-журнальном стиле не так часто обнаружишь поясняющий комментарий: он часто настолько расширяет объем перевода, что делает его громоздким и многословным.

Перевод названий русских реалий не представляется сложной задачей, когда нахождение точного английского эквивалента все-таки возможно. Пример — в статье «Heroin addiction is still shooting up» («Количество героинозависимых продолжает возрастать» [8]) автор Tom Balmforth пишет:

With an estimated 2.5 million Russian addicts, heroin has created a **“lost generation” here**, Federal Drug Control Service chief Viktor Ivanov said last week. (2,5 миллиона наркоманов, употребляющих героин, сформировали здесь «потерянное поколение» — говорит глава Федеральной службы по контролю за движением наркотиков Виктор Иванов.)

В статье отражены и сами реалии этой проблемы:

Sergei Polyatykin, head of the Alcohol and Drug Programme Fund, said that the lack of methadone treatment was not the biggest problem. The main point is that too many drug addicts are victimized in Russia. They don't have the means to get treatment and rehabilitate themselves, because state programmes and money are practically non-existent. So it's very difficult for a person to give up, — he said. (Сергей Полятыкин утверждает, что проблема не в недостаточном лечении метадоном, а в том, что подавляющее большинство наркоманов в России обречены. У них нет средств, чтобы получать необходимое лечение и реабилитироваться, поскольку по сути нет не только денег, но и государственных программ.)

Возвращаясь к вопросу о восприятии русских кулинарных особенностей, стоит подчеркнуть, что они описываются западными авторами столь же лекси-

чески ярко. Официантка кафетерия определена как *beefy-armed lady* — дама с мясистыми руками [9]: переводчик порой принимает решение о снятии русской реалии и применении другого способа перевода, именуемого **функциональным аналогом**. Суть этого приема состоит в том, что одна и та же предметная ситуация изображается в переводящем языке на основе различных, хотя и взаимосвязанных признаков. Здесь применяется переводческая трансформация — в данном случае **метонимия** (употребление по ассоциации).

Не меньший колорит обнаруживается в статье Кевина О'Флинна *Let it Snow* [10. С. 208], в которой он повествует в том числе и о двух крупных русских женщинах в шубах. Автор утверждает: «You can find yourself trapped between two large Russian women wearing fur coats... It's like being hugged by two large furry animals with handbags» (Ты можешь оказаться «в ловушке» между этими двумя огромными женщинами в шубах. Кажется, будто тебя сжали в объятиях два больших пушных зверя... — использование метонимий).

Кевин О'Флинн, как и многие зарубежные авторы, подчеркивает и тот факт, что общепринятое на Западе *lackadaisical attitude to weather* (апатичное отношение к погоде) рассыпается в прах при даже небольшом «испытании» русской зимой:

One other joy of being in Russia in winter is that it gives you boasting rights whenever in a country that falls faint at the first sign of frost. Not so long ago, the London Evening Standard ran a front page headline using the font they normally reserve for war, famine and sales at Harrods. –10 °C it cried in the hysterical tones! (Побывав в России зимой, вы получаете право хвастаться этим в любой стране, которая падает в обморок при одном лишь упоминании о морозе. Не так давно газета London Evening Standard истерично сообщила о морозе в 10 градусов в заголовке первой полосы, используя размер букв, который она обычно приберегает для сообщения о войне, голоде и распродажах в Хэрродз.)

Автор статьи виртуозно использует при описании данной реалии принцип иронии, и здесь это как нельзя уместно: еще более легко, увлекательно, непринужденно рассказать читателю о неизвестном, незнакомом, используя другие филологические приемы, вряд ли получится.

В этой же статье О'Флинн улавливает и безусловную тенденцию последних лет, употребляя для поддержания иронического эффекта слэнг:

The women and men in cloakrooms working are getting more and more *pissed off* with foreigners as the years go by... (Гардеробщицы и гардеробщики все более безразличны к иностранцам, поскольку время не стоит на месте...).

С другой стороны, он, как и многие другие авторы, подчеркивает такую русскую национальную черту, как «иметь ко всему и всем отношение»:

...old ladies will enquire politely about why you are not wearing a hat on such a fresh day by shouting at you and going purple in the face... (пожилые леди вежливо, крича и краснея в лице, призовут вас к ответу, почему же вы не носите шапку в такой холод).

И затем делает вывод:

«They rarely kill but the mental wounds can last longer than a nuclear winter» (Нет, они, как правило, не убивают, но последствия этих моральных потрясений могут длиться дольше, чем ядерная зима).

В данном примере автор добивается желаемой легкости восприятия путем противопоставления понятий: *вежливо — призвут к ответу, вежливо — крича и краснея в лице*.

В статье «Telling people what they're doing wrong is a national pastime» [9], название которой говорит само за себя — «Сообщать людям, что они делают не так, как способ национального времяпрепровождения», автор Sara Buzadzhі подыскивает соответствующие английские эквиваленты для выражений и фраз, по ее мнению свойственным российскому обывателю. Так, в созданном ею глоссарии *читать нотацию* переводится соответственно *to lecture smb.*, *давать разгон* — *to tell smb. off*, фраза, которая обычно звучит, если не уступить пожилому человеку место в транспорте: *И вам не стыдно?* — *How are you not feeling shame?* И, по ее мнению, еще более удачная *You should be ashamed of yourself!* Для русского расхожего *Совсем обалдели?* автор определяет соответствие *Are you nuts?*, а для *Где вас вообще воспитывали?* — *Were you raised in a barn?*

Таким образом, говоря об общей тематике статей, транслируемых на Запад в формате традиционных приемов (транскрипции, транслитерации, калек) и менее распространенных (функциональный аналог, описательный перевод и пр.), очевидно, что они в большинстве своем отражают злободневные вопросы нашего общества, негативные тенденции его состояния. Это может быть объяснено тем, что психологически читатель чаще тяготеет к рассмотрению и обсуждению разного рода проблем, в которых выражается его гражданская и человеческая позиция, нежели к пассивному созерцанию благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Newmark R. Approaches to Translation.* — Oxford, 1981.
- [2] *Чернов Г.В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. — Уч. записки МГПИИЯ. Т. XVI. — М.: МГПИИЯ, 1958.
- [3] *Семенов А.Л.* Основы общей теории перевода и переводческой деятельностью — М.: Академия, 2008.
- [4] *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
- [5] *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. — Изд. 4-е. — М.: Р. Валент, 2009.
- [6] *Супрун А.Е.* Экзотическая лексика // ФН. — 1958. — № 2.
- [7] *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. — Изд. 4-е. — М., 1967.
- [8] *Уваров В.Д.* Материальные и психологические реалии и их значение для перевода. Сб. Учебно-методические разработки к курсу теории перевода. — М.: МГПИИЯ, 1972.
- [9] Газета *The Moscow News* N 8, 38, 41. — 2009—2013.
- [10] Журнал «Аэрофлот». Март 2009.

SOME VARIANTS OF TRANSLATING RUSSIAN REALIA INTO THE WESTERN CULTURE (on the materials of english newspapers)

M.A. Kurbakova, M.M. Borishanskaya

MSOU, Faculty of Foreign Languages and Translation
Pavla Korchagina, 22, Moscow, Russia, 129278

There is no any unique approach to the understanding of the notion “culture-specific vocabulary”. The main techniques used for its translation include transcription, transliteration, loan-translation and mixed methods. The article contains a lot of examples.

Key words: Culture-specific vocabulary, transcription, transliteration, mixed method.

LITERATURE

- [1] *Newmark R.* Approaches to Translation. — Oxford, 1981.
- [2] *Chernov G.V.* K voprosu o peredache bezjekvivalentnoj leksiki pri perevode sovetskoj publicistiki na anglijskij jazyk. — Uch. zapiski MGPIIJa. T. XVI. — M.: MGPIIJa, 1958.
- [3] *Semenov A.L.* Osnovy obshhej teorii perevoda i perevodcheskoj dejatel'nost'ju — M.: Akademiya, 2008.
- [4] *Ivanov A.O.* Bezjekvivalentnaja leksika. — SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006.
- [5] *Vlahov S.I., Florin S.P.* Neperevodimoe v perevode. — Izd. 4-e. — M.: R. Valent, 2009.
- [6] *Suprun A.E.* Jekzoticheskaja lekcika // FN. — 1958. — N 2.
- [7] *Reformatskij A.A.* Vvedenie v jazykoznanie. Izd. 4-e. — M., 1967.
- [8] *Uvarov V.D.* Material'nye i psihologicheskie realii i ih znachenie dlja perevoda. Sb. Uchebno-metodicheskie razrabotki k kursu teorii perevoda. — M.: MGPIIJa, 1972.
- [9] *Gazeta The Moscow News* N 8, 38, 41. — 2009—2013.
- [10] *Zhurnal «Ajeroflot».* Mart 2009.